поэтому ему и не находится места. Вполне характерно поэтому, как отмечает Богдан Владимирович Фауль в статье о Канте и аналитической традиции, что

> Кант не стал фигурой значимой именно с той точки зрения, что его проект в философии религии и теологии не кладется в основу самостоятельных разработок. В мире аналитической философии религии и теологии Кант оказался фигурой крайне интересной с точки зрения исторических исследований, но для практикующих философов и теологов он скорее фигура второго плана (с. 307–308).

Впрочем, если Канту не нашлось места в период интеллектуальных войн между религиозным и секулярным, то не значит ли это, что более толерантная и веротерпимая постсекулярность может стать именно эпохой срединного пути философской теологии Канта?

Институт философии РАН **А.М. Гагинский**
algaginsky@gmail.com

А.А. Костикова, ред. *Иммануил Кант и постклассическая философия*. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. – 256 с. ISBN 978-5-9971-0821-2.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-114-121 УДК 1(091)

Монография «Кант и постклассическая философия» вышла в год кантовского юбилея. Автор предисловия, Анна Анатольевна Костикова, обозначает постклассическую традицию как область, которая направлена на переосмысление самой философии в ее классической форме. Фигура Иммануила Канта, по утверждению авторов, имеет важное значение для этого процесса. Кроме того, трансформации, произведенные в философии самим Кантом, могут быть проанализированы в контексте

© Повечерова А.В., 2025

современной философии. Том содержит несколько разделов, которые охватывают философские течения от неокантианства, которое зачастую апеллирует непосредственно к Канту, до постструктурализма. Неокантианская традиция, как указывается в монографии, была призвана реактуализировать кантианские идеи и метод. Феноменологическая философия также обнаруживает некоторые сходства между собственными изысканиями и кантовскими построениями, однако в этом случае параллели носят прежде всего терминологический характер. Вместе с тем эти два течения мысли в своем рассмотрении кантовских достижений скорее призваны преодолеть последние и обозначить переход к следующей ступени в философской науке. Кроме указанных направлений, в монографии рассматривается критика Анри Бергсона в адрес Канта и значение Канта для американского прагматизма в лице Уильяма Джемса, а также традиций экзистенциализма и аналитической философии, которые особым образом работают с наследием кенигсбергского философа и преобразуют его.

Первый раздел монографии посвящен связи Канта и неокантианства. Авторы, Нина Анатольевна Дмитриева и Леонид Юрьевич Корнилаев, указывают, что сам вопрос об определении как исторических, так и концептуальных рамок неокантианского течения до сих пор остается проблемным (с. 16). В контексте рассмотрения кантовских идей и их рецепции в неокантианстве внимание уделяется так называемому «трансцендентальному методу». Авторы подчеркивают, что данное понятие у Канта не встречается, однако настаивают на том, что оно подразумевает содержание, которое отсылает к характерным для Канта положениям. Далее анализируется кантовский «априоризм», который стал важным пунктом критики Германа Когена, который предлагает по-новому интерпретировать его, опираясь на «Пролегомены ко всякой будущей метафизике…». (Стоит заметить, что и термин «априоризм» также не применяется Кантом, а является более поздней характеристикой его философии, отнести которую можно лишь к части кантовских построений.) В итоге своего рассуждения Коген приходит к своеобразным выводам: он иначе, по сравнению с Кантом, понимает смысл понятия «априори» и подразделяет его на метафизический,

переходный и трансцендентальный уровни (с. 19). Помимо этого, авторы показывают, как Коген нивелирует разрыв между чувственностью и рассудком. Именно на этом этапе работает трансцендентальный уровень априори, на котором оно выполняет синтезирующую функцию. Этот ход объясняется стремлением утвердить единый источник познавательных способностей. Также в поле внимания неокантианцев попадает понятие вещи самой по себе. Как показывают авторы, разделение на вещи сами по себе и явления представляется таким мыслителям, как Алоиз Риль и Эмиль Ласк, догматическим утверждением, заводящим нас в тупиковую ситуацию (с. 21). Другим предметом анализа кантовского наследия в неокантианстве оказывается соотношение практического и теоретического разума. Исследователи демонстрируют, что неокантианцы считали, что примат первого над вторым позволяет познающему субъекту получить доступ к вещам самим по себе (с. 23).

Следующий раздел за авторством Александра Петровича Сегала повествует о влиянии кантовского наследия на марксизм. Автор оговаривается, что влияние Канта здесь весьма условное и проявляется по большей части в том, что он является начальным звеном в цепочке немецких классических философов, которая завершается идеями Маркса. Александр Петрович говорит, что для сравнения кантовских и марксистских взглядов необходимо соблюдать последовательность и брать в расчет порядок возникновения тех или иных построений в контексте собственных учений указанных мыслителей (с. 36). Он приводит пример кантовского следа в ранних рассуждениях Маркса: рассуждение Маркса о том, что облагораживание себя самого и общества должно происходить вкупе. Кажущееся противоречие Маркс разрешает, говоря, что сделать лучше самого себя можно лишь путем усовершенствования человечества в лице современников[1]. С одной стороны, этот тезис о сходстве этой мысли Маркса с рассуждениями Канта справедлив: Кант считает, что моральный прогресс возможен в масштабах человечества. С другой стороны, принцип, высказанный Марксом, по моему мнению, даже более походит на изыскания

[1] Там же, 38.

Христиана Вольфа, который в формулировке центрального принципа своей этики указывает на необходимость самосовершенствования и совершенствования другого как на главное руководство в моральной жизни. Кроме того, Сегал пишет, что Маркс сам указывал на Канта наряду с Фихте как на источник идеализма, которого он ошибочно придерживался в молодости. В целом на этом соприкосновение Маркса с Кантом исчерпывается.

В следующем разделе Виктор Игоревич Молчанов сопоставляет кантовские идеи и феноменологическую философию. Феноменологическая традиция, как показывает Виктор Игоревич, в большой степени отзывается на Канта, предлагая широкий спектр интерпретаций и точек зрения (с. 38). Первой рассматриваемой в рамках феноменологии кантовской идеей является соотношение явления и вещи самой по себе, или же феномена и ноумена. Автор пишет, что феноменологическая философия заимствует термин «феномен», однако придает ему иной смысл, который подразумевает, что за феноменом ничего не стоит (с. 46). И здесь, на мой взгляд, возникает проблема, подобная той, которая есть и в случае неокантианства: употребление заимствованного из другой традиции понятия в ином по сравнению с этой традицией смысле. В целом практика терминологических заимствований, безусловно, имеет право на существование, однако когда, поменяв содержание термина, мы начинаем критиковать употреблявших его ранее философов так, как будто они использовали его не в своем, а в нашем смысле, наш образ действия явно некорректен. Здесь снова возникает угроза рассогласования в изначальных принципах и терминологии, и в связи с этим, по моему мнению, сопоставление кантовских терминов и этих же терминов, преобразованных в феноменологической традиции, уместно разве что в качестве простого сравнения без привлечения контекста влияния – и именно так и подходит автор к этой задаче в данном разделе. В этом же ключе здесь рассматривается понятие априори и взгляд на него от Брентано до Хайдеггера. В одном месте автор говорит о том, что Кант рассматривает суждения по формальному признаку (с. 52), однако Кант стремился именно к созданию трансцендентальной логики, которая, в отличие

от логики формальной, учитывала бы содержание. Формальный же критерий истины почему-то называется сомнительным, хотя автор тут же указывает на кантовское рассуждение о том, что нельзя дать критерий истины, который касался бы содержания. Действительно, согласно Канту, судить о формальной истинности или ложности можно в смысле отсутствия или наличия противоречия. Можно согласиться с автором в том, что для разных предметных регионов можно избрать различные критерии истины, однако где искать основание истинности как таковой? Именно об этом и говорит Кант.

Следующий раздел посвящен трактовке философии Канта с точки зрения Бергсона, которую излагает Ирина Игоревна Блауберг. Почти сразу автор показывает, что Бергсон сам отрицал серьезное влияние Канта на свою философию (с. 88), но тем не менее предполагает, что кантовская философия периодически служила катализатором для размышлений французского философа. В разделе разбирается взгляд Бергсона на природу времени, пространства и длительности – специфического для бергсоновской философии понятия, – и показывается изменение в понимании первых двух фундаментальных понятий по сравнению с кантовскими воззрениями. Помимо этого указывается, что Бергсон, в отличие от Канта, убежден в возможности познать собственную внутреннюю жизнь (с. 93). Другим полем дискуссии между Кантом и Бергсоном является этика. Однако для Бергсона, как кажется, этическая теория имеет более сильный социальный аспект, тогда как у Канта моральное предписание обращено к каждому лично.

Далее Джон Райдер анализирует натуралистическо-прагматический подход при описании реляционной структуры реальности и с этой позиции интерпретирует Канта (с. 115). Автор занимает довольно неопределенную позицию. С одной стороны, он считает, что первичное и принципиальное для Канта различие на феноменальный и ноуменальный мир несостоятельно, что снова отсылает к проблеме, о которой мы говорили выше. Однако при таком радикальном отрицании важнейшего для Канта онтологического шага Райдер не отказывается от кантовской философии совсем, что тоже выглядит достаточно шатко. Исследователь вводит, на мой взгляд, недостаточно

обоснованное двоякое отношение субъекта к миру и мира к субъекту (с. 116). В этом смысле человек предстает таким, каким образом он воспринимает окружающий мир, мир же характеризуется тем, как он «относится» к познающему его человеку, что звучит сомнительно в контексте кантовской философии, поскольку познание мира человеком у Канта обусловлено его сугубо человеческими познавательными способностями, что означает зависимость субъективного опыта от априорных форм чувственности и чистых рассудочных понятий, а потому речь идет об активной познавательной деятельности, которая не предполагает такую же активность со стороны познаваемого предмета.

В следующем разделе Анна Анатольевна Костикова пишет о наследии Канта и философии Сартра. Главным вопросом, в контексте которого Сартр обращается к Канту и критикует его, является свобода. Сартр указывает на Другого как ограничение моей свободы. Отмечу, что в действительности Сартр понимает свободу подобно Канту и, выдвигая свою критику, в итоге приходит фактически к тем же выводам, что и Кант. Сартр видит категорический императив как то, что лишает человека свободы в полной мере (с. 143), однако он не замечает, что императив Канта представляет собой всего лишь формальное требование, не предписывающее ничего конкретного и служащее скорее инструментом проверки собственных моральных суждений и действий, нежели источником нравственного поведения. Кроме того, кантовская этика утверждает нерушимую внутреннюю свободу, предполагает как совершенные, так и несовершенные обязанности, а также область безразличного: в свете всего этого сложно упрекнуть Канта в недостатке свободы.

В следующем разделе Анджело Лорети предпринимает попытку выявить влияние кантовской философии на «Логико-философский трактат», а также анализирует «Принципы математики» Рассела как потенциальный источник знакомства Витгенштейна с мыслью Канта. Витгенштейн также оказывается в ряду мыслителей, серьезное влияние кантовской философии на которых скорее не подтверждается. Автор приходит к выводу, что влияние Канта на Витгенштейна было опосредовано иными

философами. Автор также указывает, что Фреге, в отличие от Рассела, ценит кантовское стремление критически обосновать знание, а также различие аналитического и синтетического (с. 154). Кроме этого, читатель найдет здесь интересный подраздел о полемике, связанной с именованием философии «Трактата» трансцендентальной (с. 155–157). В итоге витгенштейнианская философия, представленная в «Трактате», по общему мнению участников дискуссии имеет статус критической в кантианском смысле (с. 158).

Наследие Канта в аналитической философии рассматривает далее и Вадим Александрович Чалый. Кант называется мыслителем, который одинаково был важен как для аналитической, так и для континентальной традиции (с. 171). Автор показывает, что аналитическая философия не сразу осознает свою зависимость от кантовской мысли. Философия Канта преломляется как в теоретической, так и в практической философии аналитиков. Теоретическая часть, наследующая Канту, представлена в «дескриптивной метафизике» Стросона, который считает кантовскую гносеологию фактически тождественной берклианской, что, конечно, далеко не новый упрек в сторону Канта (с. 179). Стросон в числе многих других мыслителей оказывается критиком понятия вещи самой по себе. В практической философии на кантовскую мысль откликается прежде всего Джон Ролз, чья этическая теория во многом совпадает с кантовской. Однако важна здесь и фигура Мура, который главным образом критикует этику Канта за «натуралистическую ошибку» (с. 183).

Следующая далее вторая глава за авторством Анны Анатольевны Костиковой посвящена рецепции Канта во «французской теории». Этика Бадью призывает в очередной раз вернуться к Канту; удаление от Канта, по его мнению, происходило к «этике различия», а затем к этике Другого Левинаса (с. 205–206). Фуко же уделяет особое внимание «Ответу на вопрос: что такое Просвещение?», в котором видит поворотную точку в осмыслении культуры (с. 207). Делёз интерпретирует Канта как того, кто подорвал основы эмпиризма, говоря о разумных целях культуры как о собственных целях разума. При этом показано, что «французская теория» также построена на анализе ницшеанских идей, которые во многом противоречат кантовским

(с. 213). Кроме того, в этом разделе излагается концепция постмодерна Лиотара и стратегии деконструкции Деррида.

Роман Викторович Светлов тоже пишет о различных версиях марксизма. Некоторые представители марксизма 5.0. критически исследуют различные понятия из философии Канта. Например, Грамши исследует категорический императив и говорит о том, что его универсальная реализация на самом деле не предполагает исторического контекста (с. 223). А Кодзин Каратани ищет точки соприкосновения между Кантом и Марксом и производит попытку адаптировать друг к другу этих мыслителей на поле этики, философии истории и проекта будущего (с. 224).

Завершает монографию раздел, посвященный современному взгляду Хабермаса на Канта. Дагмар Вали Герта Миронова показывает, что Хабермас использует наследие Канта, размышляя о вопросах философии истории и политической философии (с. 233). Она показывает, как Хабермас размышляет и над основными вопросами философии, поставленными Кантом, а также понятиями индивида, общества, прогресса, закона, права и правового государства в философии истории.

Институт философии РАН **А.В. Повечерова**
anastasiapovecherova@gmail.com

А.Н. Круглов. *Философия Канта в России*. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. – 795 с. ISBN 978-5-9971-0817-5.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-121-131 УДК 1(091)

Книга Алексея Николаевича Круглова представляет результаты многолетних исследований рецепции и реакции на философию Канта в России. Философской публике хорошо известны монографии Круглова «Философия Канта в России

© Чалый В.А., 2025